

После боя всегда так, кажется, что устал дико, а усидеть на месте сложно, адреналин еще кипит в крови, будоражит, заставляя не застывать, делать что-то. Мысли же Михаила все еще были там, на ристалище, он все прокручивал и прокручивал ход боя, анализируя свои действия. За этим, безусловно, полезным занятием, сравнимым с медитацией, Оружейник отрешенно, бессознательно взял в руки снайперскую винтовку, и она прямо в его руках мгновенно перебралась несколько раз, а возникшая черная пудра медленно опала на одежду, руки и лежанку. То же самое мужчина сделал и с пулеметом, еще какое-то время посидел так, погруженный в себя, и будто всплыл на поверхность, шумно вдохнув.

— О как, — воскликнул Войнов, с интересом уставившись на оружие. — Это когда я умудрился почистить инструмент, причем оба ствола? — он покосился на чистенький блестящий пулемет. — Ничего себе, ни черта не помню. Масленка здесь, ветошь тоже вроде как присутствует, а как это было, хоть убей, не помню.

Рядом сидела питомица и тоже со всей тщательностью вычищалась.

— Тигра, ты видела, как я чистил вот эти громовые палки?

Крыса мгновенно, даже не прекратив своего моциона, одарила его образом-картинкой: запах оружейной гари, масла и перегретой стали, на черном фоне белый силуэт его рук, меж которых разобранные, раскаленные, аж оранжевые части и пулемета, и винтовки, причем не изменившие изначальных форм.

«Похоже, я и впрямь это сделал, — подумал Миха, удивляясь такой детализации посланной картинки. — Да и ладно, займусь наконец делом».

Оружейник внимательно оглядел поле боя в оптику, дабы не пропустить подранков. Нет, все чисто, да и чуйка молчала, не тревожила сознание. Опасаться было нечего, на пустыре лежали одни трупы.

Завершить сегодняшний день следовало по правилам, мародерку еще никто не отменял.

«Ценные трофеи нужно забрать во что бы то ни стало, спать не буду, изведусь ведь весь», — подумалось офицеру, и он решил действовать.

Продолжавшийся бой на железнодорожной станции Калище внушал уверенность, всех празднующихся чудовищ уже призвали туда, за макушки сосняка, где по коварному плану Урфин Джуса громыхла, ярилась битва.

Веревки и крепёжных лент на крыше было предостаточно, так что Михаил на самой толстой и широкой капроновой ленте быстро навязал узлов, получился добротный канат для лазанья. Привязав его к парапету рядом с подъемником, мужчина скинул канат, сделал несколько глотков живой воды, схватился за веревку и перевалился через парапет. Спуститься труда не составило. Юнга с Тигрой увязались следом, Войнов был не против — пусть побегают по земле, а то все бетон да бетон.

Луговая трава, цветы, молодая поросль раkitника, новые запахи настолько ошарашили крысок, что какое-то время они, возбужденно попискивая, не слезали со спины стрелка, так и путешествовали, осматривая горизонт.

Ему и саму будто букетом цветов все лицо исхлестали, раньше он так остро не чувствовал запахи. К своему удивлению, он еще и ориентировался в этом бушующем океане, вычлняя совершенно точно объекты, которых почти или совсем не видел глазами.

Вот пижма, ага, вон она, в полукилометре, на три часа, рядом с два десятка раскинутых гильз. Самих гильз Оружейник не видел, но точно знал, что они там есть, лежат в густой траве. В Михе все больше и больше зрела уверенность, что, если поднапрячься, он определит даже точное количество лежавших там частей патронов.

«Не устаю удивляться этому миру, его ужасам и подаркам, — покачал головой Войнов. — Нюх уже как у собаки, заживает все, как на мифическом оборотне, с крысами почти разговариваю, оружие могу усовершенствовать одним прикосновением, и, наверно, не только оружие. Что еще, Стикс? Что еще?»

Долго крыски на его спине не продержались, любопытство пересилило, и они, возбужденные, отправились на разведку. Далеко не ушли, и правильно, команды рассредоточиться никто не давал. Оружейник всю дорогу до «Хаммеров» чувствовал питомцев где-то рядом, то справа, то слева.

Вот наконец и джип, ехавший первым. Отжавшись от подножки, мужчина открыл переднюю дверь пассажира и вывалил оттуда окровавленное тело, сжимающее титановый пухлый кейс. Предсказуемо. Вот и то, за что перемолото столько жизней. Ключ, как и ожидалось, банально нашелся на шее.

— Посмотрим-с.

В кейсе обнаружилось много крупного блестящего гороха с явным алым отливом, еще больше споранов по размерам с крупную виноградину, разительно отличающихся от того, что хранилось в «Мишени», там зеленые лоснящиеся, будто натертые чем-то жирным, прозрачные виноградины — икра какой-то большой рыбы, и все тут. В следующем отсеке лежали друзья цвета жженного янтаря. Янтарь — так эту странную структуру называли бандиты Урфин Джуса, — наверное, ценная вещь, раз его положили в кейс. Отдельно, в совсем небольшом дополнительно усиленном отсеке, лежала небольшая, завернутая в красивый шелковый платок кварцевая табакерка. Явно музейная ценность, украшенная мотивами из греческой мифологии, на ней суровый Харон, перевозчик душ, плыл на узкой лодке по реке Стикс. Внутри лежали шесть белых жемчужин и одна тоже белая, но сильно отличающаяся от остальных своим большим размером и ярким радужным отливом, она будто светилась изнутри, как радуга, заключенная в белый чертог.

— Вот оно, сокровище сокровищ, — понял Михаил, разглядывая находку. — Только для чего оно, я не знаю.

А вот Тигра даже не задумалась, сразу заснула любопытный нос в драгоценную табакерку, поводила носом, потешно гоняя жемчужины туда-сюда, туда-сюда, будто это обычные леденцы монпансье в железной банке, совершенно без всякого почтения. Наконец сделав выбор, как и в прошлый раз, выложила избранницу на ладонь Оружейника. Это была та радужная, светящаяся изнутри жемчужина.

«Чего раздумывать, в тот раз все прошло хорошо, вроде как даже силы прибавились», — пожал плечами мужчина и проглотил белоснежную красоту. По телу прокатилась приятная прохладная волна, ощущения были необычные, Войнов будто на мгновение почувствовал каждую клеточку, каждый нерв.

— Ух, хорошо, ноги как пушинки! — воскликнул Оружейник и подвигал конечностями: боль ушла, ничего не тянуло, ничего не угнетало — благодать! — Уф, даже в пот пробило.

Его примеру последовали Тигра и мелкий, который на этот раз сам выбрал себе жемчужину. Взрослеет боец. Только почему-то мать его все растет, скоро с таксу будет, а вот Тень, кажется, еще уменьшился и вытянулся в длину.

На заднем сидении «Хаммера», видимо, ехал кто-то из «изнеженных» — крашеный блондин. Педик, мать его, и здесь они, явно не боец, с таким маникюром разве повоюешь, хотя Миха разжился с него очень хорошим тактическим поясом из кожи ската. В нем же обнаружилась роскошная серебряная фляга под живчик и дорожный мультикул фирмы «Лизерман», отделанный золотом, таких, кажется, на Земле не больше штук тридцати было выпущено, и стоили они мама не горюй.

— Что ж, нам, матросам-железнякам, пригодится и такой буржуйский атрибут, — пробурчал Михаил.

Время близилось к вечеру, и Оружейник решил, что надо бы уносить отсюда свои кости, пока не поздно, пограбили и хватит, хорошего, как говорится, помаленьку. И только он собрался отправиться восвояси, как его настигло послание Тигры: непонятной силы беспокойство и светлый прозрачный силуэт человека, в него через небольшой разлом в черепе и два отверстия в груди заползала чернота, и только алый комок в груди нет-нет да развеивал ее. Войнов понял — рядом есть раненый, и нужно бы поспешить.

— Молодец, Тигра, ой молодец же ты, девочка.

Образы крыса присылала уже более понятные для него, а с ними и ощущения, — это радовало.

До грузовика Миха дополз по скорости, наверное, не медленнее полоза и махом перемахнул в кузов машины. Увиденное было тяжким. Там, брошенные как попало, будто рыба, вытащенная из сетей и вываленная кучей, лежали трупы, укрытые брезентом. Жуткое зрелище, аж мороз по коже.

Тигра быстро указала место, а вот высвободить еще живого из сплетения мертвых оказалось почти непосильной задачей. Пришлось Оружейнику изрядно попотеть, и не столько из-за того, что раненый находился в самом низу этого навала мертвой плоти, сколько оттого, что выжившим оказался настоящий гигант. Подобных людей Михаилу за всю жизнь еще не приходилось встречать.

— Вот же попался, Алеша Попович, тудыт-тую, — ругался мужчина, напрягаясь.

Однако вскорости подтвердилась самая главная российская поговорка: «Глаза боятся — руки делают». Титан в человеческой личине наконец был освобожден. Оружейник осмотрел его: скользкое ранение в голову и два сквозных в грудь, скорей всего, добивали из чего-то мощного, на подобии ТТ, ранения навывлет, выходные отверстия аккуратные, без страшных вывертов. А в голову, похоже, контрольный был, да чуток промахнулась сука стрелявшая. Удивительно, но раны едва кровоточили, и пульс прощупывался. Влив немного в рот гиганту и смочив по наитию раны живой водой, Миха уверенно отрезал полосу от брезента и плотно перебинтовал раненого. Тот выглядело, как древний бог: красив, олимпийски сложен, лицо спокойное, с легкой, почти незаметной улыбкой, спит себе молодой Геркулес и видит хорошие сны.

Открыв задний борт, Оружейник тихо прошипел сквозь плотно сжатые зубы:

— Простите, парни, простите меня, для вашего брата стараюсь, — и начал скидывать трупы один за другим с грузовика.

Когда решил, что достаточно, допер раненого до края, обхватил его под мышки со спины и перевалился на кучу, несильно, но ощутимо ударившись. Алеша Попович охнул и открыл голубые глазищи.

— Извини, браток, другого способа спустить тебя на землю не было, с ногами у меня не очень, увеченный я, ползком передвигаюсь. Слышишь меня? Если слышишь, кивни, — гигант кивнул.
— Ты, брат, ранен серьезно, так что молчи, дыши помедленнее, не напрягай легкие, силы береги. Понял меня? — еще один кивок в ответ.

— Живчик, — прохрипел гигант. Голос у него был под стать — низкий гулкий бас.

— Не понял, — раненый попытался снять флягу со своего пояса. — Пить? — Оружейник снял флягу, открутил пробку, понюхал. — Да это живая вода! — гигант кивнул.

— Пить.

— Понял, понял, — засуетился Михаил и поднес к губам великана флягу, тот сделал пару глотков.

Невооруженным взглядом было заметно, как ему полегчало:

— Я Глыба, — загудел парень, но Войнов закрыл ему рот.

— Кто бы сомневался, с такими-то габаритами. Тебе, Глыба, говорить нельзя, никак нельзя. Понял? — гигант послушно кивнул. — Я Войнов Михаил Валентинович, капитан третьего ранга с Земли. Ты, Глыба, зарина глотнул, у тебя два сквозных ранения в грудь, и голова пистолетной пулей покоцана. Чудо, что живой еще, так что молчи, не мешай провидению в полной мере явить миру сие божественное деяние, как твоя жизнь.

«Во завернул», — подумал стрелок и мотнулся за брезентом в злосчастный кузов «Урала».

Вернувшись, стал сооружать волокушу, уверенности в том, что он дотащит этого богатыря до подъемника, не было, но отступать Михаил не привык. Улыбка на лице Глыбы ему не понравилась, он такие улыбочки видел на детских утренниках при вручении подарков.

— Что? — не выдержал Оружейник. Алеша Попович указал на свои плотно сжатые губы и с обиженной гримасой дал понять, что ему запрещено говорить.

«Бог ты мой, — подумал Миха, — почему я, ну почему?»

— Говори, — с досады махнул рукой стрелок.

Раненый сжал его руку, будто гидроманипулятором, — не сломал бы, детинка здоровенная.

— Ты Змей. Теперь ты Змей. Ы-ы, — осклабился гигант. — Теперь и я Крестный, — с немалой толикой гордости и торжественности пророкотал буквально светящийся парень.

Войнов удивился:

— Почему Змей? Михаил меня зовут, можно Миха.

Глыба даже как-то испугался.

— Нельзя земные имена, запрещено, Стикс накажет. Змей хорошо. Змей сильно подходит, — и он указал на Оружейника. — Ползающий, мудрый, опасный.

Офицер с легким недовольством развел руки, вздохнул и кивнул, соглашаясь:

— Змей так Змей, пусть будет.

«Кто ж со смертельно раненым в голову спорит», — решил про себя.

— Кто нас убил? — задал вопрос Глыба.

— Люди Урфин Джуса, один ты живой из заводских остался. Походу, достойные воины были.

— Змей, где враги?

— Недалече ушли, бездушные, все в этой земле упокоились.

— Ты? — громыхнул гигант.

— Я! — не стал отпираться Михаил.

Раненый заулыбался. О, как этот воин умел улыбаться, — песня, нет, целый гимн солнцу, наверное, так умеют только дети или святые. Змей будто в лучах родной звезды искупался, на целый миг поймав в руку мифического мотылька — столь редкое ощущение легкости бытия. Чувствовалось даже без слов — Глыба был очень доволен.

— Глыба называл правильно, ты Змей, Великий Змей.

Великан поднес указательный палец к губам, типа молчу-молчу, больше ни-ни. Войнов же в какой раз вздохнул: «Вот и до Великого Змея дорос, что бы наш Джеймс Фенимор Купер сказал на это?».

Внезапно гиганту стало плохо, он закашлялся, захрипел, потерял сознание. Живчик, как называл это волшебное пойло Глыба, вновь привел его в сознание, надолго ли, Оружейник не знал. Сказка закончилась, скорей всего, парню жить осталось совсем немного. Зарин — это вам не шутник, он гробовщик, коих мало.

Войнов, прозванный Змеем, наверное, впервые по-настоящему испугался, оказалось, ему до чертиков надоело одиночество. Нет, Тигра и Тень — это, конечно, друзья, и все такое, но он только сейчас понял, какое счастье — общаться с человеком, хорошим человеком. А в том, что этот парень, именно такой, он нисколько не сомневался, в чем-чем, а в людях Михаил еще на службе научился разбираться.

Глыба лежал, хлопал глазами, смотрел на него и улыбался окровавленными губами.

К горлу офицера подкатило, глаза защипало — не заплакать бы.

«Сука Урфин Джус, теперь ты мой личный враг. Если этот парень умрет, я все ваше гнездо паучье дотла выжгу».

Оружейник несколько раз провентилировал легкие, это, как всегда, помогло, собрался с силами и максимально спокойным голосом обратился к раненому:

— Глыба, я многого не знаю, нуб я еще здесь, понимаешь? — гигант кивнул. — Если ты знаешь, скажи, что может помочь тебе.

Лежавший, как скала, разлепил губы:

— Знахарь, белая жемчужина.

«Вот я мудак!» — выругался на себя Войнов, лихорадочно отрыл коробочку, достал жемчужину, скомандовал командирским голосом:

— Солдат, открыть рот, проглотить! — Глыбу, выполнившего приказ, аж передернуло и выгнуло дугой, будто он на мостик хотел встать, а как отпустило, сразу стало лучше, из бездонных голубых глаз ушла боль. — Так-то, да будет жизнь! И это наше основное воинское кредо, — сказал Михаил и ободряюще похлопал гиганта по руке.

Парень непонимающе забегал глазами, изучая себя, и обратился к Оружейнику:

— Змей, что Глыба проглотил?

Стрелок пожал плечами, он уже понял натуру парня, таких в прошлой жизни называли, чтобы не обидеть, особенными.

— Это была белая жемчужина, брат мой.

— Белая что? — гроыхнул своим басом Алеша Попович.

— Жемчужина! И успокойся, — Миха слегка придавил рукой Глыбу к земле, — ты же сам сказал, тебе поможет лишь знахарь или белая жемчужина. Знахаря, сам посуди, поблизости не наблюдается, да я и не знаю, кто это такие, а вот жемчуг у меня есть, вот одну штуку тебе и выделил.

— Белая жемчужина? Мне? — выдавил из себя великан.

— Да, и что? Ты против, что ли? Белые колеса, знаешь ли, во все века человечеству помогали.

Большой человек оказался сентиментальным, заплакал и полез обниматься.

«Блин, не умереть бы!» — с опаской посмотрел на мощные лапы гиганта Михаил. Ситуацию спасли Тигра и Тень, прыгнувшие на грудь Глыбы. Тот тут же завязал с мокрым делом и, слегка заикаясь, спросил:

— Э-э... это к-к... кто?

Оружейник едва не ляпнул: «Разве не видишь? Зоопарк приехал, скоро и злые клоуны появятся», — но сдержался. Слон побаивается мышь — известный парадокс.

— Это моя разведкоманда, Глыба, — на полном серьезе ответил Змей. — Знакомься, это Тигра, а это ее отпрыск Тень. Не смотри, что неказисты и малы ростом, маскировка это, разведчики из них лучшие, они много еще чего интересного могут, сам пока со всем не разобрался. И они как полноправные члены группы тоже получили по одной белой жемчужине, до этого еще по черной схомячили, а я красную.

Именно в этот момент Оружейник наконец увидел воочию реализацию высказывания «отпала челюсть». Гигант смотрелся феерически, жалко, фотоаппарата не было под рукой.

— Змей не от мира сего, Змей странный очень, — заявил добрый титан.

Войнов рассмеялся:

— Это точно, я не от мира сего, я с Земли. Смотрю, Глыба, тебе стало получше, нам нужно двигаться, скоро здесь будет небезопасно.

— Змей знает за белую жемчужину? — не унимался гигант.

— Теперь знаю. Для меня ясно, что это большая ценность, которая может исцелять, причем мгновенно, почти безнадежных, и этому я первейший свидетель.

Глыба довольно заулыбался:

— Змей умный, но за здесь плохо знает.

— Надеюсь, большой друг расскажет, что знает за здесь, — ответил Миха, разминая руки.

— Конечно, Глыба расскажет, память у Глыбы хорошая, он многое слышал, все запомнил.

— Ну и хорошо, расскажешь по дороге, давай переваливайся на этот брезент, хватайся за края, я буду тянуть, а ты по возможности отталкивайся ногами, помогай. Нам вот до того здания ползти, метров так восемьсот. Далеко, но помаленьку, помаленьку и справимся.

Скрутив полотнище, Змей закусил его край, перекинул через спину и пополз. Провидение сегодня было на их стороне, хорошая погода, как по заказу, резко изменилась — такое бывает на Балтийском побережье. Пошел мелкий бус, вмиг укутавший окружающее пространство во влажный непроглядный туман. Для них это стало подарком, а то, что видимость ограничилась двумя-тремя метрами, не беда, волноваться не о чем, когда у тебя в компании самый лучший из навигаторов, и не важно, что с хвостом.

Тигра с Тенем тоже помогали тянуть лямку, то бежали вперед, то забегали назад, хватаясь своими зубками то здесь, то там, пытаясь, по примеру Змея, упираться своими крохотными лапками и тащить, тащить, при этом задорно попискивая, да еще и с таким серьезным и сосредоточенным видом.

«О, мамочка моя родная, не надорвать бы пупок, нет-нет, не от тяжести, от смеха! — молился про себя, сдавленно хрюкая, Войнов. Моментами эта веселая парочка так увлеченно отдавалась устроенной ими кутерьме-карусели, что пыталась тащить в обратную сторону или куда-нибудь вбок. — Тоже мне, бурлаки-самоучки», — фыркал на это с улыбкой Миха.

А когда они этот свой шабаш-забег довели почти до совершенства и уже запрыгивали на голову Змея, замирая там столбиками, — сурикаты не иначе, — дабы, наверное, отметить правильность маршрута и расстояние, даже смертельно раненый Алеша Попович нет-нет да хихикал, едва сдерживаясь. Конечно, помощи от этих двух хвостатых клоунов был с мизер, зато настроение и дух их стараниями поднялись на заоблачную вышину.

Двигался Михаил медленно, но двигался. «И впрямь скалу тащу», — иногда думалось Змею. За это тянущееся, будто резина, время, когда он вынужденно останавливался, чтоб передохнуть, Глыба — наверное, самый тяжелый из рассказчиков, причем в обоих смыслах — в свойственной ему манере говорил о белых жемчужинах. Так они и ползли, а на привалах Оружейник слушал детинушку и систематизировал выплеснутую ему в мозг хаотичную информацию. К концу маршрута удалось сделать несколько выводов: белая жемчужина является наивысшей

ценностью в Стиксе, потому что она сильно повышает шансы выживания в этом мире, даруя обычно самую нужную способность принявшему ее без каких-либо последствий; зато последствия бывали, когда человек передал другого жемчуга, — он становился квазом, похожим на тварей, но сохранившим разум и дар. Глыба много чего еще рассказывал, но не все сразу укладывалось в голове Михаила.

— Слава тебе господи, доползли, — устало обронил офицер.

Забравшись на крышу из последних сил, он приказал Тигре срезать торец. Вместо нее это сделал Тень, да так виртуозно, что Змей даже не заметил, как это произошло. Вот так мелкий! Спустилась люлька, лезть по канату обратно не пришлось, и слава Стиксу, а то руки дрожали предательски, что отрадно, ноги тоже, а главное, не болели вовсе. Великан сам пролез в изуродованную люльку.

«Удивительное рядом, — подумалось Михе, — вот так жемчужина, парень давно должен был уйти за грань, ан нет, восстанавливается буквально на глазах».

Глыбу подняли, поместили на крышу. Завалились на отдых, не найдя в себе сил спуститься в жилую зону, прямо на свежем воздухе, на европоддонах, завернувшись в брезент. Отрубились почти сразу. Единственное, что еще успел сделать Змей до отключки, это попросить крысок встать на часы, и если что, сразу будить его.

Глава 8. Дела житейские

Пробуждение впервые за последние дни выдалось безмятежным, ничего не болело, и очень хотелось потянуться, прямо как в лучшие годы.

Эх, хочешь не хочешь, а глаза открывать придется. Миха открыл и едва не вскрикнул, не признав с первого взгляда крышу тира. Ему даже на мгновение показалось, что он находится где-то в другом месте. Да нет же, вот она крыша, и створчатая железная дверь на второй этаж в сохранности, как и парапет, немного покусанный выстрелами деревянных солдат Урфин Джуса. Но наведенный тут порядок изменил место до неузнаваемости. Ни бумажечки, ни пылинки, веревки в аккуратных бухтах, ленты свернуты и упорядочены, как книги в библиотеке педанта. Над Змеем же кто-то соорудил навес. По правую руку, у самого парапета, стоял Глыба, чистил «Утес», рядом столбиками выстроилась остальная команда, с упоением слушающая, как великан на полном серьезе рассказывает устройство крупнокалиберного пулемета, причем в мельчайших подробностях. Заметив, что Войнов проснулся, Глыба, встав по стойке смирно, словно крупный соборный колокол, пробасил:

— Капитан на палубе!

— Вольно, — на автомате ответил Михаил, следом сплюнув: — Тьфу ты. Глыба, ты что, все руководство по «Утесу» наизусть знаешь?

— Знаю, — ответил заулыбавшийся гигант.

— А можешь с самого начала?

Гигант кивнул, встав по стойке смирно, затараторил:

— Министерство обороны, для служебного пользования. Руководство по 12, 7-мм пулемету

«Утес» (НСВ-12, 7).

— Стоп-стоп-стоп, и много ты такого знаешь?

Алеша Попович пожал плечами.

— Глыба много чего знает, каждую точку помнит, каждую запятую.

— Чертежи тоже?

— Глыба все, что видел, не забывает.

Змей поверил сразу, даже проверять не стал — ангелы не врут.

— Как чувствуешь себя? — спросил заинтересованный Миха.

— Отлично, капитан третьего ранга, — Глыба вновь встал навытяжку. Только Войнов хотел возмутиться, как гигант еще больше вытянулся, высоко задрав подбородок, и отчеканил: — Капитан третьего ранга, можно к вам обратиться, рядовой Глыба?

— Обращайтесь, матрос, — только и смог выговорить Оружейник.

Великан просиял:

— Возьмите меня, Глыба полезный.

— Что умеешь, матрос? — Михаила понесло, но он почему-то не мог остановиться.

— Глыба сильный, Глыба быстрый, Глыба пулеметчик, Глыба повар, Глыба многое умеет.

«Во свезло-то», — мысленно присвистнул мужчина. Было заметно, гигант сильно нервничает.

— Принят, — сказал, как отрезал, Змей.

Алеша Попович уже привычно включил свое «солнце», а крыски, радостно пискнув, устроили кутерьму на его голове, благо разгуляться было где.

— Эй, банда, — повысил голос улыбающийся Оружейник. — Только обращаемся друг к другу коротко и по возможности тихо, мы же не хотим себя обнаружить, тишина — первое правило спецназа.

— Мы спецназ? — как-то восторженно удивился Глыба.

Не хотелось Михаилу разубеждать эту святую наивность, и все тут. Даже грызуны замерли у него на голове, встав столбиками. «Они что, меня полностью понимают, что ли? — мимоходом подумал Войнов. — Так внимательно вслушиваются». И что-то его дернуло ответить:

— Да, Глыба, мы спецназ, мы длань наказующая Стикса.

В вышине гроыхнуло, да так, что титан пригнулся, с благоговеньем посмотрел на чистое летнее небо, затянутое перистыми облаками. Крысок с парашюта сдуло, будто их там и не было.

«И куда я в очередной раз ввязался? — уже обреченно подумал Змей, высматривая хотя бы небольшую тучку. Горизонт был чист. — Язык мой — враг мой, — в сердцах посетовал

Оружейник, — надо бы поосторожней здесь со...».

Закончить мысль мужчина не успел, его схватил и, будто игрушечного солдатики, поставил на ноги Глыба.

— Змею нужно тренироваться!

Оружейник и не спорил, он держался, держался и наконец сделал первый шаг, качнулся, сделал второй. Упасть ему не дал, подхватив, Глыба. А Миха улыбался, растянув рот до ушей, как полоумный. Да что там упасть, он лоб готов был расшибить в кровь после таких триумфальных ШАГОВ!

— Каждый день Змею ходить, — прогромыхал великан, без труда удерживая взрослого мужчину на вытянутых руках. — Глыба следить. Глыба тренировать. Глыба массировать. Змей побежит.

Войнов с удовольствием смотрел на свои ноги под жесткими пальцами Глыбы, это были уже не те бамбуковые палки, на которые без жалости не посмотришь, и на заднице мышцы уже появились, раньше были только тазобедренные суставы, обтянутые кожей, ягодицы полностью отсутствовали.

— Глыба, где ты так научился?

Оружейник понимал — перед ним спец, скорей всего, бывший спортивный специалист. Тут же его наблюдения подтвердились.

— Глыба в Лесгафте лучший. Змей запущен очень. Глыба исправит. Змей побежит.

Михаил задумался, учиться и быть в Лесгафте лучшим как-то не вязалось с состоянием интеллекта этого гиганта, и в то же время Глыба и ложь несовместимы, это он сразу просек. Версий у Змея имелось сразу несколько: травма головы, последствия отравления зарином и, наконец, Стикс.

Мужчина посмотрел на нового друга.

«Да мне все равно, что там случилось, парень, можно сказать, святой. Нужно, если появится возможность, помочь ему».

— Спасибо, Глыба, что бы я без тебя делал, дорогой ты мой великан. Скоро нам придется уходить отсюда, а я, к сожалению, пока медленнее черепахи.

— Глыба понесет.

— А выдюжишь? Я хоть и худой, но все семьдесят вешу. Еще у нас как минимум будет пятьдесят килограмм снаряги, боеприпас, провиант, оружие.

Гигант хмыкнул:

— Глыба бежать сможет. Много сможет.

— Хорошо. Возможно, это и выход, будем пробовать. Глыба, там на кухонном стеллаже папка толстая лежит, канцелярская, принеси, пожалуйста.

В папке, как Войнов и ожидал, хранилась незамысловатая бухгалтерия потрошителей, писчая

бумага, пара карандашей, несколько ручек и, что совсем неплохо, карта Ленинградской области. «Хорошая находка», — обрадовался Змей и сразу сунул ее в нагрудный карман.

— Вот смотри, Глыба, — Оружейник на одном из листов штрихами нарисовал простейшую охотничью понягу, в древности на похожих мешки с мукой таскали, а охотники зверя из тайги выносили. — У нас есть аргон, есть дюралевые трубки, наличествует все для сварки хорошей рамы. Делаем ее в виде зауженной кверху трапеции по твоим размерам, на уровне поясицы или чуть ниже привариваем полку, обычно ее делают шириной в сто пятьдесят миллиметров, мы сделаем триста, мне будет удобней сидеть. Спинной лист вырезаем по форме внутреннего профиля, обсверливаем, обвязываем стропой и крепим к внутренней части рамы. Лямки предлагаю пошире сделать, тебе на плечи меньше давить будет. На крыше как раз есть широкая капроновая лента, подойдет великолепно, книзу ее заузим и обвяжем. Меня закрепим армейскими поясными ремнями, они широкие, хорошо регулируются, замки мощные. Трех, думаю, хватит: бедра одним ремнем притянем к полке, а грудь и живот оставшимися двумя. Получится, что руки свободны, неплохое прикрытие с тыла, и глаза, опять же.

— Ага, — расплылся в улыбке Глыба.

До глубокой ночи они мастерили понягу. Опробовали, гигант даже пробежался по кругу со Змеем за спиной, все остались довольны, вещь вышла знатная.

Приятно, когда ты наконец выспался, чист и накормлен. Еще приятней, когда тебя окружают заботой и есть возможность немного побездельничать под предлогом «не беспокоить, командир думает».

«Красота-то какая, лепота, сидишь себе спокойно с умным видом и смотришь, как добродушный джин и его два вездесущих помощника метаются туда-сюда, гремят крышками, что-то там сливают, процеживают, колдуют у плиты».

Глыба и вправду оказался поваром, да еще каким, Оружейник давно не ел так правильно. Первое, второе, третье и настоящий компот из сухофруктов, еще и пирожки для перекусов пообещали испечь.

— Командир, пей! — Глыба протянул Змею большую кружку.

— Что это? — запах горячей жидкости напоминал глинтвейн.

— Глыба сделал грох*. Грох нужен Змею. Алый грох, — значимо добавил великан.

— Раз надо, значит надо, — Миха выпил. — Станный вкус, но пить можно, даже приятно. Рецепт расскажешь?

Парень кивнул.

— Глыба взял алую горошину, вино, уксус, корицу, перец, сахар, сильно постарался, получился алый грох для Змея.

— Понятно, — вздохнул Оружейник, — еще тот рецептик. А повар для себя оставил этакую полезность? — богатырь отрицательно замотал головой.

— А для остальной команды? — продолжил допрос Войнов.

На это Глыба и вовсе округлил глаза и еще интенсивнее замотал головой, пожав плечами:

— Нет, командир.

— Почему?

— Очень редкий, очень дорогой.

— Понятно. Давай-ка сваргань еще раз это редкое пойло, для себя и команды, думаю, Тень с Тигрой не откажутся, все, что полезно, они за милую душу пользуют. Да и я не откажусь.

— Змею нельзя, — уверенно прогромыхал Глыба и назидательно добавил: — Много — смерть.

Еще два-три часа Оружейник провел на импровизированной кухне, обустроенной Глыбой, наблюдая, как делаются грох и живчик, параллельно получая массу бессистемной информации, среди которой была и иерархия тварей, и рассказы о сильных мира сего, и еще много всего безусловно важного. По завершении «лабораторных работ» Змей решил, что время, потраченное у плиты вместе с Глыбой, можно назвать чрезвычайно продуктивным. Он уяснил для себя главное: во всех жизненно важных зельях в Стиксе используются биогенные образования монстров, и чем сильнее монстр, тем продукты, добытые из него, ценней. Пить такие зелья нужно осторожно и в небольших дозах, но регулярно.

Как-то незаметно за насущными делами прошел день.

Из оружейных ящиков Алеша Попович сделал для Михаила массивное сиденье с высокой спинкой и усадил туда, как принца. Теперь Змей с удовольствием мог предаться любимому делу — чистке оружия. Так они и скоротали вечерок, без разговоров, просто чистили оружие — хорошо, спокойно.

Тигра спала, свернувшись у ног командира.

«Ну и большая, — подивился капитан, рассматривая свою боевую подругу: — Как же она так выросла? Я и не заметил. Уже поболее таксы будет, да и на крысу она не очень-то похожа, скорей росوماха, только окрас тот же, тигриный».

Чуткая питомица, видимо, почувствовала, что на нее обратили внимание, завозилась. Змей успокоил:

— Тишь-тишь. Спи, спи моя хорошая, отдыхай моя Тигра, сил набирайся, чую, дел у нас впереди уйма, верней, уймища.

Миха захотел почувствовать ее детеныша. Как он там? Тень нес службу по охране на парапете крыши. Мужчина увидел его, будто со стороны слегка подсвеченного. Крысенок трусил по кирпичному ограждению, внимательно вглядываясь в вечернюю мглу, совершенно бесшумный, совершенно невидимый, в общем, лучший постовой всех времен и всех армий. Оружейник решил посмотреть сверху, и у него получилось, он увидел все здание целиком и даже маленькую тень, перемещающуюся по парапету, определил всех живых существ в радиусе пятисот метров, подсвеченных желтым — цели были неопасны, и среди них — одна дружественная, отмеченная зеленым. Попытка расширить угол обзора удалась, но где-то на отметке пятисот-шестисот метров Войнов почувствовал боль, пришлось вернуться обратно. Он прошел сквозь бетон без помех, видеть себя со стороны было интересно, своим видом стрелок остался доволен — это уже не тот живой скелет с горящими глазами, сидящий в инвалидной коляске.

«Мясцом оброс, — с удовлетворением подумал Оружейник. Его тело сидело за столом, будто парализованное, на столе в разобранном состоянии лежали два ПП-2000, но что-то было неправильно, мешалось, как камешек в ботинке или маковое зернышко меж зубов. — Что же это?»

Напротив уже нервничал Глыба, что-то говорил Змею, он же вместо слов слышал только гулкое «бу-бу-бу».

«Нужно поработать над этим, постепенно, может, и звук добавится, тогда и вовсе обалдеть будет. Мы тогда ого-го какими станем, любых Урфин Джусов прижучим. Но что же не так?» — ощущение неправильности назойливой мухой все продолжало зудеть.

— Да вот же оно! — обрадовался Михаил, найдя причину зуда, ею оказались разобранные части двух автоматов. — Собрать!

Он возвратился в тело и с такими же ошалелыми глазами, как у его соседа, смотрел, как автоматы сами собираются, причем заимствуя детали друг у друга. Вдох-выдох, и оружие собрано. Создавшуюся тягучую тишину разрушил насмешливый голос Оружейника:

— Вот же жесть. Цирк уехал, а один фокусник все-таки остался. Надо бы работать над тем, чем одарил Стикс, развивать. Глыба, не волнуйся, это, похоже, мой дар прорезался.

— Круто, — гроыхнул гигант, явно ожидая продолжения, как дите. — Глыба испугался. Змей молчит, стеклянные глаза смотрят, автоматы собираются. Жутко стало Глыбе, у-у-у-у, — парень сжался, обхватив себя ручищами и едва сдерживая рвавшуюся наружу улыбку. Выглядело это мило. — Пожалуйста, Змей.

— Что? — не понял Войнов.

— Повтори, а.

Пришлось повторять, хотя ему и самому хотелось еще раз попробовать, а свою способность видеть на расстоянии Оружейник назвал «Оком».

— Теперь я как в песенке сыщика из «Бременских музыкантов»: «И нюх как у собаки, и глаз как у орла». Только нужно усложнить задачу, — капитан возложил руки на стол. Желание увидеть его сверху реализовалось сразу. — Теперь я бесспорно лучший игрок в покер, эх, сейчас бы в Лас-Вегас, уж там бы я устроил партнерам казино-армагеддон, — он сконцентрировался на двух автоматах и приказал: — Разберись.

Детали вмиг размытыми силуэтами разложились на рогожке. Змей вернулся в тело и, не обращая внимания на восхищения и ахи-охи Глыбы, тщательно перемешал детали, разделив их на равные части, и развел эти две кучи по разные края рогожки. Тут же сосредоточился и приказал:

— Соberись.

Автоматы собирались значительно медленнее, если так можно сказать о лишних пяти-шести секундах. Частенько детали для сборки носились туда-сюда над столом, ища свое место. Завораживающее зрелище. Только когда ПП-2000 были собраны, Оружейник понял, что не входил в это свое состояние «Ока», а разница всего лишь в легкой испарине.

«Вот же чудеса, да я настоящий техно-маг. Получается, в обычном состоянии, сил и времени

на такие действия тратится больше, и что-то мне подсказывает, есть еще существенные различия».

— Глыба, принеси, пожалуйста, пару пистолетов. Я их на сейфе видел, — великан кивнул и сорвался, раз-два, и он с горящими от восхищения глазами стоит у плеча, выложив на стол два «Стечкина» и ТТ. — Хорошие пистолеты, — Глыба снова покивал. Михаил выбрал «Стечкиных», протянул их парню: — Сломай или погни чем-нибудь, там в углу верстак, тиски, и кувалда даже есть. Пластиковые накладки на ручках, наверное, треснут, но ничего, эксперимент есть эксперимент.

Глыба покраснелся, глаза его блестели весельем, еще чуть-чуть, и в пляс пойдет. Однако к верстаку он не отправился, сделал все голыми руками. Лучше не видеть, что могут руки этого гиганта, он погнул сначала один пистолет, следом другой, притом без каких-либо ужимок и надувания щек, раз, и все, будто эта гордость российских оружейников из пластилина сделана.

— Во силища. Красава, — Змей покрутил в руках скрученные железки, — ты, Глыба, молоток, нет, ты кувалда, обалдеть, что можешь, такое на любом шоу показать не стыдно. В общем, мы тут все с цирковой жилкой подобрались. Ты силач, я факир, мелкие и попрыгать, и побегать, и по стенкам, и по потолку, сейфы на раз вскрывают, человеческую речь понимают. Да и какие они мелкие, вон как Тигра вымахала, и на этом, думаю, не закончила. Многие их умения за кадром остаются, подкинут они нам с тобой пару-тройку сюрпризов, как пить дать подкинут. Ну хорошо, отвлеклись немного, теперь за дело.

Войти в «Око» получалось теперь словно по щелчку пальца. Оружейник сосредоточился и приказал:

— Разберись!

Пистолеты дернулись, и все, лишь нагрелись, их горячую структуру Войнов почувствовал сразу, причем знал точно — сто пятьдесят шесть градусов. От стола, на котором лежали пистолеты, запахло жженым лаком, появился легкий дымок. Глыба, как оказалось, мог действовать и сообразительно, и стремительно, противень из духовки мигом был подложен под нагревшиеся пистолеты.

— Так не получилось, пробуем дальше, — пробормотал себе под нос Михаил, сосредоточился и, отринув мысли, с жаром приказал:

— Исправить.

По пистолетам будто темная искрящаяся волна прошла. И металл, и пластик на рукояти даже визуально изменились, структурно же и того больше, такого материала Войнов никогда не видел: темный, матовый, и вместе с тем будто подсвеченный изнутри.

«Млин, вот я и литейщик уже. Хорошо, металл и пластик изменился, в лучшую ли сторону, проверить еще успеем».

Однако сама сломанная конструкция не исправилась, перед взором мужчины лежали почти те же болванки, негодные ни на что. Попытался еще несколько раз, и все тщетно. Пришлось немного передохнуть и пораскинуть мозгами.

Нет, от неудачи он не расстроился, какие уж тут расстройства, все это будоражило и было интересно до одури.

«Может, вернуться к началу, к истоку, так сказать? — Оружейнику вспомнилось то зудящее ощущение неправильности, после которого все и завертелось. — Надо попробовать пойти по этому пути».

Он глядел на эти изломанные, неправильные, негармоничные, что ли, стволы, и они раздражали, хотелось исправить это непотребство. Змей смотрел на них и смотрел, но ничего не происходило, что делать дальше, было совершенно не понятно.

Холод. Михаил почувствовал кратковременный сильный холод в кистях рук.

Откуда появились эти тонкие, почти прозрачные, будто сотканные из тумана, кисти рук, он понятия не имел, зато в состоянии «Ока» они слушались его как родные. Взяв в белесые ладони призрака один из пистолетов, мужчина без труда выровнял его и даже затвор передернул.

Где-то рядом загудело. Ага, — понял Войнов, — это Глыба буянит, орет что-то радостное и в ладоши хлопает. Рядом младший состав козликами прыгает, в общем, веселится народ, будто на Масленице, и все как бы в замедленном действии.

«Не отвлекаться, — одернул себя офицер, он держал в этих призрачных тонкопалых светящихся руках, казавшихся такими хрупкими, тяжелое темное красивое оружие, и оно ему почему-то все равно не нравилось, чего-то снова не хватало. — Пойдем дальше, будем добиваться его совершенства, — мимоходом подумал Миха и возжелал этого всем естеством. — Я хочу этого, я могу это», — твердило сознание.

В один момент призрачные кисти вспыхнули ослепляюще ярко, и вместе с этой вспышкой Оружейник получил приступ сильнейшей всеобъемлющей боли, из него будто ручейком жизнь потекла в это изделие, и изощренная пытка все продолжалась и продолжалась, а сил становилось все меньше.

Секунда, две или целая вечность, время будто перестало существовать, вот «Стечкин» ярко-белого цвета, металл расплавлен, бурлит, но держится в форме, и даже жара нет. А как же законы физики? И как же патроны, порох, там же целый магазин, почему еще нет взрыва?

«Прочь, ненужные, прочь, — гнал мешающие мысли Змей, опять настраиваясь на процесс, его самого корежило, как этот металл. — Как же достала боль, терпеть мочи никакой нет».

Холодный расплавленный металл сменился пепельной летучей массой, она ураганами бушевала в пределах формы пистолета — жуткое зрелище. Пришло осознание того, что эти метаморфозы ой как небезопасны, и остановка процесса в легкую превратит окружающее в пустыню, а на какие расстояния, — только боги Стикса знают. Михаила потряхивало, силы заканчивались, он не знал, сколько еще сможет терпеть эту мучительницу-боль, сознание замутнялось.

«Держаться, нужно держаться, — подбадривал капитан себя. — Черные береты не сдаются! »

Оружейник чувствовал, как течет кровь по подбородку, из ушей, наверное, тоже, как бушует Глыба, пытаясь пробиться к нему, стучась, словно мотылек о крепкую для него лампу накаливания. Тигра с Тенем рвали купол своими «лунными когтями», все тщетно.

«И хорошо, что так, как же все это суетно».

Все, — решил Оружейник, — закончил, и наступил столь желанный и долгожданный покой.

Темнота.

* Грох — горячий напиток из гороха с добавлением вина.

<http://tl.rulate.ru/book/15403/305405>